

разработки достоверных материалов для действительно научного исследования поставленной им интересной теоретической проблемы предпочел написать «научнообразную» антисоветскую статью, одинаково далекую и от науки, и от жизненной правды.

Неужели Ричард Пайпс так уж не осведомлен в политике, что не понимает безнадёжной тщетности своих призывов к народам советских социалистических республик Средней Азии выйти из СССР — братского содружества равноправных социалистических наций, в составе которого на пути к победе коммунизма с каждым годом все более расцветает их экономика, материальное благополучие, культура, искусство, неуклонно расширяется и укрепляется национальная советская государственность, их суверенитет и могущество, растет интернациональная солидарность и прочная нерушимая дружба с трудящимися всего мира?

Неужели не видит Ричард Пайпс смехотворности своего вывода о возможности создания «буфера» между Советской страной и ее дружественными соседями — демократической Индией, с которой все более многообразными и тесными становятся культурные связи народов СССР, и Великим Народным Китаем, у которого по словам Мао Цзэ-дуна, «единая судьба и единое дыхание с Советским Союзом и всем социалистическим лагерем»?

Т. А. Жданко

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ В ЖУРНАЛЕ «ОСЕАНИЯ»

(1955—1956)

Журнал «Oceania», посвященный изучению коренного населения Австралии, Новой Гвинеи и островов Тихого океана, начал выходить в 1930 г. Он является органом «Австралийского национального исследовательского совета» (Australian National Research Council) и в настоящее время выходит под редакцией А. П. Элькина, известного исследователя австралийских аборигенов. Каждый том журнала состоит из четырех номеров, причем первый номер выходит в сентябре. Наша рецензия охватывает восемь номеров (за 1955 и 1956 гг.). Этого достаточно, чтобы познакомиться с тем, что представляет собой журнал в настоящее время, и оценить его направление.

Журнал «Oceania» является основным этнографическим периодическим изданием в Австралии и хорошо известен этнографам всего мира, изучающим народы Австралии и Океании. За более чем четверть века его существования в нем было помещено немало ценных этнографических материалов, главным образом по Австралии, Новой Гвинее и Меланезии (народам Полинезии в основном посвящен «Журнал Полинезийского общества» (The Journal of the Polynesian Society), издающийся в Новой Зеландии).

Состав авторов журнала, более или менее постоянный из года в год, отражает малочисленность этнографических сил, работающих на поприще австраловедения и океанистики. Нередко редакция помещает статьи лиц, далеких от науки, но соприкасающихся с коренными народами Океании, например колониальных чиновников. Если в 1930—1940-е годы журнал публиковал большое количество работ и материалов, посвященных аборигенам Австралии, то в послевоенные годы для него характерен все возрастающий интерес к народам Новой Гвинеи, особенно ее внутренним, еще мало исследованным районам. Изучение коренных австралийцев в последние годы стало менее интенсивным. В то же время некоторые этнографы, внесшие значительный вклад в изучение австралийцев (например, Р. Берндт), переключились на изучение папуасов Новой Гвинеи.

По-прежнему положительной стороной журнала является богатство конкретного полевого материала и разносторонность проблем. Недостаток журнала — очень слабое освещение теоретических вопросов и вообще бедность теоретической мысли. Это видно из ряда примеров. Так, за два года здесь была напечатана только одна теоретическая статья — «Понимание примитивных народов»¹. Автор статьи С. Ф. Надель, австриец по происхождению, музыковед и этнограф, многие годы работал в Англии и Африке, а затем переселился в Австралию, где недавно скончался. Кроме большого количества работ по этнографии африканцев, он известен также как автор книги «Основы социальной антропологии»². Положительная сторона упомянутой статьи состоит в том, что ее автор призывает западных этнографов к пересмотру старых взглядов и позиций, к углубленной теоретической работе. Но взгляды, высказываемые Наделем, в ряде случаев противоречивы. Так, в одном месте он пишет, что главным объектом «социальной антропологии» являются «примитивные» народы, а в другом, что и

¹ S. F. Nadel, Understanding primitive peoples, «Oceania», т. 26, № 3, 1956.

² S. F. Nadel, The foundations of Social Anthropology, London, 1951.

«примитивные», и «развитые» культуры должны в равной мере изучаться этнографами³. Автор спрашивает: может ли этнография внести свой вклад в понимание современного общества, не повторяя при этом того, что делают другие общественные науки? Поставив важный вопрос о месте этнографии среди других общественных наук, Надель не дает на него ясного ответа. Он не объясняет, как, какими методами должен этнограф, в отличие, например, от экономиста или социолога, изучать различные общественные классы или группы современного общества.

Публикация этнографических материалов А. П. Элькина «Музыка Арnhemленда»⁴ — это почти все, что появилось в журнале об аборигенах за два года. Элькину и его помощникам удалось записать на пластинки много обрядов, церемоний и сопровождающих их песен северных племен Австралии. В том числе записаны тайные обряды Кунапики и церемонии, связанные с обрядами инициации. Опубликованы тексты песен на различных языках и диалектах, с переводом на английский язык, описаны танцы и целые драматические сцены. Специальный музыкальный обзор этих материалов, принадлежащий Т. А. Джонсу, содержит ноты и музыковедческий комментарий⁵.

Значительный интерес представляют описания трех больших церемоний — Нгурлмаг, Лорган и Кунапики. Основной миф Нгурлмаг посвящен «нашей Матери из ранних времен», которая пришла в западный Арnhemленд с северных островов. Это — церемония возрождения, сопровождаемая ритуальными песнями. Элькин разъясняет значение приводимых им текстов, так как слова здесь имеют особый тайный смысл, понятный лишь для посвященных. Кунапики он называет «Матерью-богиней плодородия». Но само слово «богиня» и сопоставления с восточными мистериями античной эпохи очень спорны и мало что разъясняют в австралийских верованиях и обрядах, которые все еще живут и даже продолжают распространяться в Арnhemленде (Элькин пишет, что некоторые из них возобновлены после многих лет перерыва). С образом Кунапики связаны мифы о радуге-змее. Вопрос о связи мифов о Матери плодородия и о змее в Австралии заслуживает специального исследования.

Журнал помещает и материалы, освещающие положение австралийских метисов, которые составляют особую общественную группу (в Австралии их называют «Mixed-blood aborigines», т. е. аборигены смешанного происхождения). Как пишет Элькин, «население Австралии включает почти 30 тыс. людей смешанного происхождения, потомков белых и аборигенов. Эти люди живут среди нас, и в их жилах течет частично наша кровь, но мы их не считаем своими»⁶.

Две статьи (Д. Белла и М. Келли) в одном из номеров посвящены экономической жизни метисов на юге и севере штата Новый Южный Уэльс⁷. Они рисуют неприкрашенную картину поистине бедственного положения этих людей, характерную и для других штатов, где тоже имеется метисное население. Аборигены смешанного происхождения живут в резерватах и отдельных поселках (Aboriginal Stations). Почти все они находятся в полной зависимости от белых нанимателей. Сезонная работа — главное занятие метисов — имеется только летом. Зимой очень велика безработица. Метисы допускаются лишь к неквалифицированному, низко оплачиваемому труду. Авторы статей пишут о расовой дискриминации со стороны белых нанимателей. Д. Белл отмечает, что положение метисов на нижней ступени общественной лестницы объясняется также отсутствием образования. А причина этого — неустойчивое экономическое положение и работа с детства по найму. В то же время дети метисов стоят по своему умственному развитию не ниже детей белых.

Изолированное положение поселков, где живут метисы, их удаленность от промышленных центров вряд ли объясняются стремлением правящих классов «сохранить метисов как расовую группу», как пишет Белл. Скорее всего дело заключается в том, чтобы всегда иметь под руками рынок дешевой рабочей силы. Изоляция метисов — основной фактор, препятствующий ассимиляции. За исключением рыбаков, имеющих свои лодки, и фермеров с их крошечными участками, метисы не имеют никаких средств производства. Все это ведет к их полной экономической зависимости.

Статья М. Келли знакомит с отношениями внутри поселков, т. е. дает собственно этнографический материал. Население каждого поселка, обычно экзогамного, состоит из группы родственных между собой семей, которые влачат нищенское существование. Автор указывает, в частности, на высокую детскую смертность.

Находясь под влиянием распространенных предрассудков, Келли объясняет безработицу среди аборигенов отсутствием у них привычки к постоянному труду и нежеланием накапливать деньги и вещи. Однако все факты говорят о том, что экономические условия, в том числе недостаток работы и дискриминация, — главные причины массо-

³ «Oceania», т. 27, № 1, 1956, стр. 8.

⁴ А. Р. Elkin, *Arnhem Land Music*, «Oceania», т. 25, № 1, 2, 4; т. 26, № 1—3, 1954—1956.

⁵ «Oceania», т. 26, № 4, 1956.

⁶ См. А. О. Neville, *Australia's Coloured Minority*, Sydney, 1947, стр. 11—12, Предисловие А.-П. Элькина.

⁷ J. N. Bell, *The economic life of mixed-blood aborigines on the South coast of New South Wales*; M. Calley, *Economic life of mixed-blood communities in northern New South Wales*, «Oceania», т. 26, № 3, 1956.

вой безработицы. Сказывается стойкость старых культурных традиций — результат угнетенного и приниженого положения аборигенов.

Несмотря на отмеченный недостаток статьи Келли, материалы журнала дают в целом правдивое изображение австралийской действительности.

В течение двух лет в журнале была напечатана только одна работа, претендующая на серьезное теоретическое осмысление этнографического материала. Это — большая статья К. Е. Рида «Нравственность и идея о личности у гахуку-гама», народа, населяющего высокогорные районы восточной Новой Гвинеи⁸. Автор называет свою статью «очерком сравнительной этики», так как он пытается сравнить «традиционные этические категории» у западноевропейских народов и у гахуку-гама.

Ценность работы Рида заключается в том, что им изучены труднодоступные, относительно изолированные и до сих пор еще мало известные науке папуасские племена. В основном исследованы, если судить по статье, их мировоззрение и мораль (представления о долге, о добре и зле и т. д.). Как опыт исследования представлений о нравственности у народа, стоящего на стадии первобытно-общинного строя, работа Рида могла бы дать новый материал для лучшего понимания происхождения и истории морали, особенно если учесть, что среди этнографических исследований последних тридцати лет на Западе этике отсталых народов уделялось мало внимания.

Рид справедливо критикует релятивистские концепции морали некоторых современных американских ученых (в частности Герсковица), на которых оказали влияние Вестермарк и Леви-Брюль. Но и работа самого Рида отмечена крупными методологическими недостатками. Прежде всего — это его совершенно неудачная попытка сравнения нравственности гахуку-гама с христианской этикой, которую он неправильно отождествляет с «западноевропейской». «Наша традиционная мораль — христианская, — пишет он, — и наши моральные категории суть категории церкви, Августина, Боэция и Фомы Аквинского» (стр. 248). Итак, моральные концепции западноевропейских народов, исторически развивающиеся, материально и классово детерминированные, он сводит к средневековым схоластическим морально-философским системам и учениям о душе и свободе воли, об абсолютной, не зависящей от общества ценности личности и т. д. Это отождествление — первая ошибка автора. Вторая его ошибка — сравнение воззрений папуасов (даже с целью противопоставления) с «западноевропейскими», по мнению автора, а фактически, как видим, с учениями средневековых отцов церкви.

Довольно убедительно автор показывает, что источник моральных обязательств гахуку-гама находится всецело в самой общественной среде. Они не имеют веры в личное бессмертие. Смерть для них — почти полное исчезновение индивидуума. У них нет веры ни в потусторонний мир, ни в сохранение личности после смерти в какой-либо форме. Их верования не имеют отношения к их нравственной жизни. Из этого Рид делает заключение, что генетически религия и мораль имеют различные источники.

Но с утверждением Рида, что «моральные ценности — один из главных регуляторов культуры и общественного порядка» (стр. 255), никак нельзя согласиться. Ведь дело обстоит как раз наоборот, и сам Рид пишет в другом месте, что мораль зависит от специфических общественных связей, что именно общественная система определяет общественную мораль. Однако ни хозяйство, ни производственные отношения у изучаемых им племен автора не интересуют, он не придает им значения в генезисе общественной морали.

По Риду, социальная антропология является «нормативной дисциплиной», оперирующей «ценностями», как и другие общественные науки, чем они и отличаются от естественных. Все это напоминает риккертское противопоставление «номотетических» и «идиографических» наук. Идеалистическая риккертская философия проникла и в современную «теорию ценности», распространенную в американской этнографии. Близость взглядов Рида к американской концепции «ценности» очевидна. Хотя Рид и протестует против перенесения релятивизма в общественные науки, его взгляды проникнуты идеалистической философией.

В журнале помещено еще несколько статей по этнографии населения Новой Гвинеи. Работа известного австраловеда Р. М. Берндта является предварительным сообщением о его исследовании четырех лингвистических групп высокогорных районов восточной части Новой Гвинеи: камано, джате, усурufa и форе⁹. Рассматриваются отношения между различными группами родственников, родственные термины, формы брака и связанные с ним обычаи, наследование имущества, осуществляемое по мужской линии. В целом Берндту удалось собрать ценный материал о системе общественных и имущественных отношений в малоисследованном районе Новой Гвинеи.

Дарси Райен в статье «Клановая организация в долине Менди, южные высокогорные области Папуа — Новая Гвинея»¹⁰ дает очерк общественных отношений в этом

⁸ K. E. Read, *Morality and the Concept of the person among the gahuku-gama*, «Oceania», т. 25, № 4, 1955.

⁹ R. M. Berndt, *Kamano, jate, usurufa and fore kinship...*, «Oceania», т. 25, № 1, 2, 3, 1954—1955.

¹⁰ D'Arcy J. Ryan, *Clan organization in the Mendi valley*, «Oceania», т. 26, № 2, 1955.

районе. Помимо отцовского рода, который является здесь основной социальной единицей, связанной всегда с определенной территорией, автор рассматривает и другие категории социальной структуры. При этом в статье остается совершенно не выясненным существенный для понимания общественных отношений вопрос о формах землепользования, о распределении и наследовании земли. Освещение этого вопроса как раз является положительной чертой упомянутой выше работы Бердта.

М. Меггит помещает отчет об экспедиции, собравшей значительный этнографический материал в почти не исследованном районе Новой Гвинеи, западнее горы Хаген, в долинах рек Ваге и Лан, куда только начинают проникать этнографы¹¹. Он дает обзор некоторых этнических групп этого труднодоступного района. В статье много разнообразных этнографических сведений. Автор, однако, не пишет о том, что недавно возникшее здесь религиозное пророческое движение является отголоском охватившего в последние десятилетия всю Меланезию освободительного движения своеобразной формы (так, называемый Cargo Cult).

В этой связи интересна статья Питера Лоуренса «Влияние лютеранской миссии на общества области Маданг» (залив Астролябия, северо-восточная Новая Гвинея)¹². Автор указывает, что в общинах, расположенных вдали от европейских поселений, политика миссии вызывает своеобразную и нежелательную для миссионеров реакцию. Принимая христианство, люди полагают, что это даст им возможность участвовать в экономической жизни на равных началах с европейцами. Но их ждет жестокое разочарование. Миссия не может, да и не намерена изменить экономическую систему. «И тогда, — говорит Лоуренс, — потеряв надежду на лучшую жизнь, люди отбрасывают христианство и восстают против миссии на том основании, что ее учение ложно» (стр. 89). Таково здесь происхождение этого культа. Возрождаются туземные верования. Все это заставляет колониальную администрацию, которая, по признанию автора, «вплоть до конца последней войны мало была озабочена проблемами общественного прогресса среди туземного населения» (стр. 89), принимать срочные меры для частичного улучшения его положения. Но и Лоуренс ничего не говорит о том, что Cargo Cult является по существу формой народно-освободительной борьбы¹³.

Меланезии и ее проблемам посвящена статья А. Като «Фиджийцы и фиджийские индийцы: проблема культурного контакта в Тихом Океане»¹⁴. Автор пишет о национальной розни между фиджийцами и индийцами на островах Фиджи, вызванной колониальным режимом и подогреваемой национальными и религиозными предрассудками. Впрочем, о причинах возникновения этой розни автор ничего не говорит. Более того, он возлагает надежды на «мудрость и целеустремленность» британской администрации. Совместное обучение фиджийцев и индийцев, взаимные браки, усвоение теми и другими западной культуры и английского языка, христианизация индийцев — вот что может, по мнению автора, способствовать решению индийско-фиджийской проблемы.

Две статьи об острове Тикопия, жители которого являются полинезийцами, хотя остров географически расположен в пределах Меланезии, принадлежат Раймонду Фёрсу (R. Firth), автору большой монографии о жителях этого же острова¹⁵. Первая экспедиция автора на остров состоялась в 1928—1929 гг. (результатом ее и явилась упомянутая книга), вторая — в 1952—1953 гг. Первая из двух статей¹⁶ возникла в результате новых исследований автора и посвящена древним полинезийским религиозным церемониям. Некоторые из них совершаются (или совершались в прошлом)¹⁷ в честь древних полинезийских божеств, в том числе женских. Эти церемонии характеризуются танцами, исполнением священных песен, возжиганием огня древним способом, ритуальным приготовлением пищи и т. д. По наблюдению автора, общественный статус индивида повышается, если он знает, как надо исполнять эти древние обряды, окруженные мистическим и таинственным ореолом. Фёрс обращает внимание на социальные факторы сохранения «пережитков», однако эта проблема остается им не раскрытой до конца.

Вторая большая статья Фёрса, написанная как часть упомянутой выше монографии, но прежде не опубликованная, посвящена обрядам инициации¹⁸. Эти древние обряды все еще существуют на многих островах Полинезии, и, как показывает автор,

¹¹ M. J. Meggitt, The valleys of the upper Wage and Lai rivers, «Oceania», т. 27, № 2, 1956.

¹² P. Lawrence, Lutheran Mission influence on Madang Societies, «Oceania», т. 27, № 2, 1956. Следует отметить, что в местах, описанных автором, в 70-х гг. прошлого столетия изучал жизнь папуасов Н. Н. Миклухо-Маклай.

¹³ Политическую и социальную сущность этих религиозных по форме движений хорошо показал недавно П. Ворсли (P. M. Worsley) в статье: «Millenarian movements in Melanesia», («Rhodes-Livingston Institute Journal», XXI, Manchester, March, 1957, стр. 18—31).

¹⁴ A. C. Sato, Fijians and Fiji-Indians: a culture-contact problem in the South Pacific, «Oceania», т. 26, № 1, 1955.

¹⁵ R. Firth, We, the Ticopia, London, 1936.

¹⁶ R. Firth, Privilege Ceremonials in Ticopia, «Oceania», т. 26, № 1, 1955.

¹⁷ Многие из этих церемоний не совершаются в связи с введением христианства.

¹⁸ R. Firth, Ceremonies for children and social frequency in Ticopia, «Oceania», т. 27, № 1, 1956.

они тесно связаны с общественными и экономическими отношениями внутри общины. По мнению Ван-Геннепа, Рэдклифф-Брауна и других авторов, писавших о церемониях посвящения, главная цель их состоит в том, чтобы торжественно отметить переход молодого человека в более высокое общественное положение. Однако на Тикопии церемонии рождения или инициации собирают вокруг ребенка не все общество, а только ограниченный круг лиц. Фёрс показывает, что эти церемонии отражают определенные родственные связи. Кроме того, церемонии определяются и экономическим фактором, так как каждая из них связана с дарением, раздачей или обменом имущества. И, наконец, далеко не все дети на Тикопии проходят полный цикл обрядов, как это можно наблюдать в Австралии или в Меланезии. Таким образом, утверждения, что общество посредством обрядов приветствует каждого нового члена и тем укрепляет себя, не распространяются в полной мере на общество с далеко зашедшей социальной дифференциацией, подобное полинезийскому, где и церемонии посвящения совершаются для избранных. Статья представляет собой новый шаг в изучении церемоний посвящения — этого важного общественного института. Неправильно было бы сказать, что выводы автора имеют значение для других обществ, но они во всяком случае важны для понимания данного явления в Полинезии с ее имущественным и классовым расслоением.

Мы не рассматриваем здесь содержание лингвистического и антропологического разделов журнала. Отметим лишь, что из пяти статей по лингвистике, напечатанных в течение двух лет, две посвящены слабоизученным новогвинейским языкам. В антропологическом разделе особенное внимание уделяется изучению групп крови, что дает некоторые новые данные для понимания этногенеза народов Океании.

В. Р. Кабо

ОБЩАЯ ЭТНОГРАФИЯ И АНТРОПОЛОГИЯ

П. И. Борисковский. *Древнейшее прошлое человечества*. Академия наук СССР. Научно-популярная серия. М.—Л., 1957, 224 стр.

Рецензируемая книга, по определению ее автора, «посвящена древнейшей эпохе человеческой истории... эпохе существования первобытного стада и возникновения матриархальной родовой общины» (стр. 3). К тексту приложены: хронологическая таблица «Древнейшие этапы развития первобытного человечества» и библиография (215 названий).

Рецензируемая книга, хотя это не указано ни на титуле, ни в предисловии, является значительно расширенным и основательно переработанным переизданием вышедшей в 1950 г. книги того же автора «Начальный этап первобытного общества» (Л., 1950). Все же она может рассматриваться как новая работа, прежде всего потому, что автору пришлось учесть весьма солидный вклад советских ученых в науку о первобытном обществе, внесенный ими за семь прошедших лет.

Автор раскрыл читателю увлекательный мир одной из интереснейших областей науки. Более того, П. И. Борисковскому удается возбудить в самом читателе жажду научного поиска. Эту нелегкую задачу автор разрешил не с помощью каких-либо обходных «завлекательных» литературных приемов, а прямо и смело введя читателя в самую гущу сложнейших и во многом еще не решенных проблем первобытности. При этом сам автор отнюдь не бесстрастен. Объективное изложение взглядов своих научных противников нисколько не мешает ему с ними спорить и убежденно отстаивать на страницах книги свою точку зрения.

П. И. Борисковский предоставляет в распоряжение читателя большой и разнообразный научный материал, преимущественно археологический. К сожалению, «археологизация» книги, если нам дозволено будет так выразиться, произведена за счет антропологии. Так, говоря о движущих силах в процессе антропогенеза, автор ограничивается, по существу, изложением работы Ф. Энгельса «Роль труда в процессе очеловечения обезьяны» (стр. 14—16). И хотя колоссальный биологический, палеоантропологический и археологический материал, собранный после выхода в свет книги Ф. Энгельса, позволил ученым продвинуться далеко вперед в разработке данного вопроса, П. И. Борисковский мало пишет даже о трудах советских антропологов, посвященных проблеме закономерностей перехода от обезьяны к человеку. В частности, автор не упоминает о существовании интереснейшей гипотезы Я. Я. Рогинского об особенностях взаимодействия социальных и биологических закономерностей в процессе становления человеческого общества. Сам же П. И. Борисковский, излагая этот вопрос, слишком упрощает дело. Так, указав, что в нижнем палеолите «в формировании физического типа человека большую роль играли биологические факторы — приспособление к среде и отбор, содействовавший этому приспособлению» (стр. 135—136), автор совсем опу-